

Солопова М.А.

кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии Российской академии наук, Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1.
E-mail: msolopova@yandex.ru

Платон о родословном списке в двадцать пять предков в контексте античной хронологии

Аннотация: В статье обсуждается фрагмент диалога «Теэтет» (175a5-6), в котором Платон упоминает о родословном списке в двадцать пять предков, когда говорит об отношении настоящего философа, чуждого модным увлечениям современности, к ценностям большинства и его приоритетам. Обращая внимание на вопрос о соотношении датировки текста диалога (даты написания его Платоном) и его драматической даты (даты изображаемой в нем беседы Сократа), автор статьи задается вопросом, можно ли сопоставить указанное число двадцать пять (предков) с другими поколенными подсчетами, известными в античности. Ставится вопрос, какой дате, драматической (по дате Сократа) или дате написания (по дате Платона) больше соответствует указанное число. В заключении статьи делается вывод о том, что данный фрагмент из диалога «Теэтет», – по мнению автора статьи, более соответствующий драматической дате диалога, – дает дополнительный материал для обсуждения известного еще со времен античности вопроса об анахронизмах в творчестве Платона.

Ключевые слова: Платон, «Теэтет», истинный философ, родословный список, Гиппий, генеалогия, античная хронология, драматическая дата диалога.

В диалоге Платона «Теэтет» в одной довольно пространной речи Сократ упоминает о родословном списке в двадцать пять предков¹, которым гордится некий представитель знати, а в сущности обыватель, противопоставляемый истинному философу. Контекстом этого высказывания является рассуждение, не относящееся к основной теме диалога, посвященного, как известно, поиску определения знания и критике сенсуализма и релятивизма. В произведениях Платона часто можно встретить подобные отступления от основной темы, и подчас они представляют самостоятельный интерес для читателей и исследователей. Платоновский текст неизменно демонстрирует глубину и многоплановость мысли, и его читатель готов видеть в каждом слове философа неслучайное высказывание. Наиболее разработанными в литературном отношении являются рамочные пересказанные диалоги зрелого периода творчества Платона. «Теэтет» относится как раз к их числу.

В композиции «Теэтета», помимо собственно вступления-рамки и основной части диалога с участием Сократа, исследователи отмечают несколько «интерлюдий» и «отступлений» от основного рассуждения, укажем их согласно оглавлению монографии Ф. Корнфорда²: Theaet. 160e–161b (*interlude*); 168c–169d (*interlude*); 172b–177c (*digression*); 183c–184b (*interlude*). Самым большим отступлением оказывается то, в рамках которого в конце концов появляется интересующее нас высказывание о родословном списке. Оно посвящено противопоставлению истинного философа и далекого от философии обывателя, взаимному непониманию и неприятию образов жизни и ценностей друг друга.

Интересно, что именно в «Теэтете» Платон назвал отступления важным элементом композиции диалога. Они характеризуют свободное течение философской беседы, заинтересованность ее участников в поиске истины, а не в достижении утилитарных целей, и если философа «какой-нибудь побочный вопрос более придется по душе, чем основной, они не заботятся о том, долго или коротко придется им рассуждать, лишь бы только дойти до сути»³ (172d6-9). А в конце эпизода есть ремарка о том, что пора вернуться к основной теме, чтобы отступление не стало «больше, чем исходный логос» (177c).

¹ Платон. Теэтет 175a5–6 // Платон. Собрание соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1994. С. 231.

² Cornford F.M. Plato's theory of knowledge: the *Theaetetus* and the *Sophist* of Plato, translated with a running commentary. London, New York, 1935. P. xi–xii.

³ Платон. Теэтет / Пер. Т.В. Васильевой // Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. С. 229. Далее русский перевод диалога цитируется по этому изданию.

“Эта насмешка относится ко всем, кто проводит свой век в занятиях философией”

Противопоставляя жизнь и характер истинного философа и типичного обывателя, Сократ рассуждает о том, как, с одной стороны, большинство относится к философам, а с другой, как сам философ оценивает интересы и предпочтения представителей большинства (Theaet. 173d–176a). В начале этого фрагмента излагается исключительно популярная в дальнейшей традиции легенда о Фалесе, который наблюдал за небесными светилами и нечаянно упал в колодезь, чем рассмешил некую молодую служанку-фракиянку, здесь персонифицирующую мнение толпы о философам как смешных чудаках, смотрящих вверх на небо или настойчиво ищущих, что такое человек, или «всюду испытывающих природу любой вещи в целом» (ср. 174a1), однако не видящих того, что у них находится прямо под ногами (174ab). В дальнейшем тексте этого же отступления имеется еще одна знаменитая фраза о том, что «среди богов зло не укоренилось, а смертную природу и этот мир посещает оно по необходимости» (176a6–8), откуда выводится едва ли не самое популярное в платонизме определение философии как «посильного уподобления богу» (176b1) с последующим авторским истолкованием его. Здесь едва ли не каждая фраза подобна афоризму. И в целом можно понять, почему внимание уделялось практически каждой фразе этого яркого в литературном отношении рассуждения об истинных философам, – но не той, о которой пойдет речь далее.

Между тем после того, как читатель уяснил из речи Сократа, каким смешным чудаком слывет философ у людей чуждых философии, он знакомится с мыслями самого философа о том, как нелепы бывают его современники и их занятия, признаваемые весьма похвальными и достойными гордости (174d–175b). И в качестве иллюстрации приводятся следующие примеры:

«Если же воспевают знатный род, что-де кто-то насчитывает семь колен богатых предков, то он считает это сомнительной похвалой недалеких людей, которые по своей необразованности не могут охватить взором все страны и все времена и сообразить, что у каждого были несметные тысячи дедов и прадедов, среди которых нераз случались богачи и нищие, цари и рабы, варвары и эллины у кого угодно. Ему кажется нелепым и пустяшным, когда кто-то гордится списком в двадцать пять предков и возводит свой род к Гераклу и Амфитриону, потому что и Амфитрионов предок в двадцать пятом колене был таков, какая выпала ему участь, равно как и предок этого

предка в пятидесятом колене, и ему смешна и людская несообразительность и неспособность расстаться с суетностью неразумной души. Во всех этих случаях такой человек бывает высмеян большинством, которому кажется, что он слишком много на себя берет, хотя не знает простых вещей и теряется в любых обстоятельствах («Теэтет» 174e5–175b4)⁴.

Композиционно рассуждение вернулось к началу – как и в сюжете про Фалеса, философ оказывается предметом насмешек со стороны большинства, причем с тем же обоснованием, которое ранее было вложено в уста фракиянки («не знает простых вещей»). Только в первом случае он был признан чудачком из-за исследования небесных светил, то есть природных явлений, а во втором – из-за своего (не)понимания дел человеческих, истории семьи и общества. Но высмеивают его в том и другом случае за то, что он «слишком много на себя берет». На языке самого философа то же самое называется «величием, прямоотой и независимостью» (173a2) свободного человека.

Что касается аргументации, мы видим парадоксальные результаты применения теории бессмертия души в практическом контексте жизни, протекающей во времени. Поскольку всякое рассмотрение временных событий (а значит, и исторических) с точки зрения вечности ведет, по меньшей мере, к переоценке значимости первых, а в последовательном применении и к полному их обесцениванию, то нас не может особенно удивить использованный в данном фрагменте «Теэтета» способ критики. Исходя из учения о бессмертии души, платоновский философ высмеивает наивность и тщетность традиционных представлений о фамильных ценностях, жизненных целях, успехе и т.п. В сущности, как невозможно измерить вечность, так невозможно описать последовательным перечислением все эпизоды присутствия бессмертной души в ее земной истории. Одним из эпизодов этой цепочки для кого-то окажется его собственная жизнь и его собственная биография. А если все-таки попытаться это сделать, то довольно быстро изложение приобретет комически гипертрофированные черты, что как будто и выражается в числах, которые мы встречаем в цитированном фрагменте (в частности, слова «и предок этого предка в пятидесятом колене», 175b2–3). Особенно неприятен такой смех, скорее всего, был бы для тех, для кого родословные списки не пустой звук и не просто занятия, имеющие антикварный интерес, но условие, необходимое для подтверждения своего социального статуса, прав на

⁴ Платон. Теэтет // Платон. Собрание соч.: В 4 т. Т. 2. С. 231.

гражданство, для притязаний на власть в рамках принятых государственных законов и избирательных процедур.

И хотя в этом отрывке «Теэтета» мы ожидали бы встретить привычное для Платона противопоставление философа «толпе», далекому от философии «большинству», – ведь и началась речь Сократа с легенды о Фалесе, которому оппонирует неграмотная варварка, в полной мере соответствующая образу человека из толпы – все же никакой толпы в цитированном отрывке нет, а объектом критики философа являются богачи и аристократы, т.е. представители элиты общества. Поскольку все они, несомненно, получили хорошее образование и в школе, и у софистов, необразованными их можно назвать только в особом смысле: если вслед за Платоном понимать философию как синоним истинного образования (пайдейи).

Итак, отметим три момента, которые выясняются в ходе чтения этого места диалога «Теэтет». Во-первых, критика признанных современных ценностей здесь ведется с точки зрения учения о бессмертии души; во-вторых, адресатами критики являются представители знати и богатых слоев общества; в-третьих, критика не воспринимается ими всерьез. То, что речь идет о богачах и аристократах, следует из содержания приводимых доводов – перед словами о семи коленах и списке в двадцать пять предков сказано о том, что наш философ не расценит как некое достижение в жизни покупку кем-нибудь «тысячи плектров [земли]» или «еще более удивительных сокровищ» (174e). Теперь обратим внимание на фразы, связанные с родословными списками и в целом с генеалогическими исследованиями.

Список в двадцать пять предков на фоне эпохи

Парадоксальный и вместе с тем соответствующий логике платонизма тезис Сократа о никчемности генеалогических исследований и составления родословных в свете учения о бессмертия души все же не мешает нам рассмотреть генеалогические исследования как феномен античной культуры. И выяснить, были ли слова про список «в двадцать пять предков» просто красиво прозвучавшим примером, и вместо числа двадцать пять вполне могло быть и другое, или число двадцать пять не так уж и случайно оказалось в платоновском тексте?

Но прежде отметим, что некоторое ощущение произвольности приведенных примеров возникает благодаря тому, что два схожих довода (семь колен богатых предков, список в двадцать пять предков)

убираются одним махом – смешно этим заниматься, если предков у тебя несметные тысячи. Но что такое семь колен (поколений)? Это довольно много. Знанием своих пра-пра-пра-прадедов и сегодня может похвастаться не каждая семья, хотя в нашем распоряжении теперь гораздо больше письменных источников и архивов. Прадед – это четвертое поколение, а если не считать самого потомка, то *перед ним* – три колена предков. В тексте же Платона сказано о семи коленах *богатых* предков. Определенно, их потомку времен Сократа, жившему в конце V в. до н.э., было чем гордиться. Но еще больше, похоже, должен был гордиться тот, кто имел на руках «список в двадцать пять предков». Пример с богатыми предками не вызывает критических сомнений в том, возможно ли было сохранить в каком-либо семействе сведения о семи предках в далекие времена Сократа и Платона, но второй пример с возведением родословной «к Гераклу» побуждает об этом задуматься.

Кстати говоря, Платон принадлежал к одному из самых древних афинских родов – роду Кодридов: его мать и отец были родственниками законодателя Солона, одного из «семерых мудрецов», он же, в свою очередь, по их общему предку архонту Дропиду далее возводил свое происхождение к последнему афинскому царю Кодру⁵. Но именно Солон был первым исторически засвидетельствованным Кодридом⁶. Платона (род. в 428 г.) отделяет от Солона (род. ок. 630 г.) 200 лет. И за это время могло смениться от пяти до шести поколений⁷. Платон не мог не знать и более полного фамильного предания о количестве своих предков, знал он имена отца и деда Солона и т.д. Следовательно, о таком же числе предков могли знать и представители других родов – а вернее, других ветвей того же рода Кодридов⁸.

⁵ О том, что род Платона восходит к Кодру, сообщали все биографы Платона, до нас эти сведения дошли в изложении Диогена Лаэртия (D.L. III, 1) и Апулея (De dogm. Plat. I, 1). Однако главным источником здесь является сам Платон, упомянувший о родстве Солона и Крития, дяди по материнской линии в диалоге «Хармид» (Сократ говорит Критию, что поэтический дар присущ «вам всем издавна благодаря родству вашему с Солоном», *Plat. Charm.* 155a).

⁶ *Ленская В.С.* Афинский род Кодридов // *Вестник древней истории.* 2003. № 3. С. 123–124.

⁷ Ср. схемы, изображающие генеалогическое древо Платона: *Ленская В.С.* Афинский род Кодридов. С. 125–126; *Davies J.K.* Athenian Propertied Families. 600–300 B.C. Oxford, 1971. P. 697.

⁸ Например, Писистратиды – потомки афинского тирана Писистрата, также из рода Кодридов. Генеалогические связи между Солоном и Писистратом более ясны, чем связи между Солоном и Дропидом, первым известным предком по прямой линии для Крития (*Davies J.K.* Athenian Propertied Families. P. 323).

Дело в том, что Кодриды считались древнейшим афинским родом, даже была поговорка: быть «древнее Кодра» (πρεσβύτερος или ἀρχαιότερος Κόδρου). Но в целом число семь из первого примера воспринимается лишь как освященное традицией число.

Второй пример со списком в двадцать пять предков заставляет усомниться: всерьез ли тут ведется речь или перед нами сатирическое преувеличение? можно ли было во времена Сократа и Платона знать о своих двадцати пяти предках? Этот список привлекает внимание, поскольку он претендует на то, чтобы быть наиболее полным из возможных, – ведь род возводится к самому Гераклу. В русском издании здесь предложен перевод «к Гераклу и Амфитриону»⁹, и тем самым читатель готов подумать, что первым в этом родословном списке стоит имя Амфитриона, между тем общеизвестно, что отцом Геракла был сам Зевс, Амфитрион же, супруг Алкмены, – только его названным отцом. Соответственно, возникает вопрос, не иронизирует ли Сократ в этих словах над своим воображаемым оппонентом, который возводит свою родословную к человеку, который никак не может быть его предком? Не приписывает ли он себе лишнее колено в роду, чтобы список стал более внушительным? Однако в греческом тексте сказано: возводит свой род «к Гераклу Амфитрионову» (т.е. сыну Амфитриона, εἰς Ἡρακλέα τὸν Ἀμφιτρίωνος – 175a6-7), без указанной двусмысленности. Итак, этот обладатель вызывающей изумление генеалогии был представителем славного рода Гераклидов. Достаточно упомянуть, что к нему принадлежали царские роды архаической и классической Греции, в частности, цари Аргоса и Спарты.

Нет ничего невозможного в том, чтобы человек, чье имя даже не называется в диалоге (т.е., видимо, ничем не знаменитый) был из рода Гераклидов. Кажется невозможным то, чтобы кто бы то ни было мог составить достоверную родословную, которая начиналась бы именем мифологического героя вроде Геракла. На подобном многовековом отрезке часть генеалогии заведомо не могла быть подтверждена никакими письменными источниками, достоверность же устной семейной традиции практически исключена. В самом деле, речь идет о тех, кто жил почти за сто лет до Троянской войны, т.е. для греков – за горизонтом истории. Однако нет ничего невозможного в том, чтобы кто-то все же составил себе родословный список из двадцати пяти предков или же такой список мог быть составлен по его заказу. Более того, в то время в Греции это было популярным занятием.

⁹ Платон. Теэтет / Пер. Т.В. Васильевой // Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. С. 231.

«Археология» Гиппия из Элиды. Как исследователь и составитель генеалогий получил общегреческую известность софист Гиппий, «один из самых эрудированных и разносторонних представителей греческого Просвещения»¹⁰. Гиппий внес неоценимый вклад в развитие хронологических изысканий в Древней Греции, издав список всех олимпиоников (DK fr. В 3 = Plut. Num. 1). Уроженец Элиды, дориец по происхождению, он предпочитал приезжать в полисы с дорийским населением, из которых наиболее видным была Спарта. Там он часто выступал с речами о древностях – «археологии» (ἀρχαιολογία), рассказывая о генеалогиях, об основании городов и т.п. В диалоге платоновского корпуса «Гиппий Большой» (DK fr. A11 = Plat. Hipp. Maj. 285b-d) Гиппий изображен как собеседник Сократа, и в ответ на вопрос, какие темы пользуются успехом у его слушателей в Спарте, он отвечает, что спартанцы с удовольствием слушают «о родословной героев и людей, об основании в старину колоний... рассказы о всякой старине (πάσης τῆς ἀρχαιολογίας), так что из-за них я и сам вынужден был очень тщательно все это изучить» (285d6–e2).

Можно предположить, что в «Теэтете» обладателем списка предков, восходящих к Гераклу, был не афинянин, а представитель лаконской знати, который, конечно, должен был быть из рода Гераклидов¹¹. Сценическая дата «Гиппия Большого» приблизительно – конец 430-х годов. Между тем вторая половина V в. до н.э. – расцвет хронологических изысканий в Древней Греции, распространение моды на генеалогии. В другом диалоге, «Лисид», Платон упоминает, что даже афинские мальчишки нередко спорят между собой о том, «чей род знатнее» (Lys. 207c)¹²; влюбленный юноша в честь своего приятеля сочиняет песнопения, в которых «твердит» об отце и деде своего приятеля, «а также обо всех его предках»; один из гимнов он посвятил благородству Лисида, поэтически изобразив, что один из предков Лисида – родственник Геракла, на том смехотворном основании, что он был рожден от самого Зевса и дочери основателя его дема (205c-d). Все это происходит, видимо, в конце 420-х гг., поскольку Сократ в заключительной реплике называет себя «старым», хотя не исключено, что он стар только по сравнению со своими юными собеседниками.

¹⁰ Верлинский А.Л. Гиппий // Античная философия: Энциклопедический словарь. М., 2008. С. 273.

¹¹ Гераклид – родоначальник лаконцев, ἀρχηγός τοῦ γένους, по выражению Исократы (Isocr. Orat. 5, Philipp. 32,7).

¹² Платон. Лисид / Пер. С.Я. Шейнман-Топштейн // Платон. Собрание соч.: В 4 т. Т. 1. С. 314–340.

«История» Геродота. Геродот стоит у истоков греческой истории как науки. Именно в его «Истории» мы можем найти первую сохранившуюся датировку современных ему событий по дате падения Трои – универсальному общегреческому хронологическому ориентиру. По Геродоту (Hrd. II, 145), «от сегодняшнего дня» до падения Трои прошло ок. 800 лет¹³. Как известно, в разных полисах Греции (Афинах, Аргосе, Спарте и др.) счет велся в соответствии со своими местными традициями. Важным событием для выработки единого хронологического принципа в исторических исследованиях античного времени стала «История» Тимея из Тавромения на Сицилии, который сопоставил годы правления афинских архонтов, спартанских эфоров и аргосских жрецов со списками олимпийских победителей (отсюда значение труда Гиппия), и таким образом ввел практику счета по олимпиадам. Но до сводного труда Тимея во времена Геродота, Фукидида и Сократа было еще далеко.

В середине V в. до н. э. мода на вычисление датировок падения Трои только начиналась, и дата Геродота стала первой более или менее определившейся: 800 лет + 450 г. до н.э. = 1250 г. Во 2-й половине V в. до н.э. были известны также датировки Демокрита (ок. 1155)¹⁴ и Ктесия (1183)¹⁵. В IV–III вв. до н.э. было предложено более десятка датировок падения Трои, от 1334 г. (Дурид Самосский) до 1134 г. (Эфор, ученик ритора Исократ)¹⁶. Наиболее авторитетной в конце концов стала датировка математика и астронома Эратосфена Киренского (276–194 до н.э.) – 1184/83 г.

Но каким образом вычислялись эти даты? Нужно было иметь доступ к надежным архивам, которые сохранили бы непрерывную преемственность (царей, архонтов, жрецов). В случае отдельной семьи это должно было быть семейное предание и родословные списки, но таковых просто не известно. При неполноте либо утрате таковых сведений нужен был метод работы с сохранившимися данными. Единственным известным инструментом для подобного рода хронологиче-

¹³ См.: «От Пана, сына Пенелопы, прошло до сегодняшнего дня еще меньше лет, чем от Троянской войны, – только 800 лет» (*Геродот*. История. М., 1993. С. 125).

¹⁴ Об этом подробнее: *Солопова М.А.* Демокрит и дата падения Трои // История философии. 2018. Т. 23. № 2. С. 18–31.

¹⁵ Вероятно, еще ранее свои датировки могли предположить или иметь в виду Гекатей (автор «Генеалогий» – ср. Hrd. II, 43) и Гелланик (автор в т.ч. сочинения, посвященного событиям Троянской войны, Τροϊκά).

¹⁶ *Forsdyke J.* Greece before Homer. Ancient chronology and mythology. New York, 1957. P. 62–64.

ских исследований был поколенный подсчет. В качестве условной поколенной константы (возраста поколения) в генеалогических расчетах хронографы чаще всего принимали 40 лет, 33 года, иногда 35 либо 30 лет¹⁷. Со времен Гекатея получил распространение метод подсчета, согласно которому за век сменялось три поколения (соответственно, поколенная константа 33).

Считается, что Эратосфен, вычисляя дату падения Трои, работал с архивами лаконских царей. Геродот тоже мог использовать этот источник, во всяком случае, он приводит генеалогию спартанского царя Леонида, в котором 21 имя, включая самого Леонида и Геракла (Hrd. VII, 204). Это значит, что у царя Леонида, правившего в 491–480 гг., в роду было 20 предков, если не считать его самого. Если бы речь шла о родословном списке на момент середины V в. до н.э., то в нем, скорее всего, было бы 22 имени, ближе к концу века – 23 или 24. Это достаточно близко к цифре, называемой у Платона. И тут следует иметь в виду, что одно дело – царские династии, другое – история отдельного рода, в котором поколения в действительности могли сменяться быстрее или медленнее.

Демокрит и Платон. Два хронологических сюжета, которые можно усмотреть у Платона в «Теэтете» и во фрагменте Демокрита у Диогена Лаэртия, показывают их довольно точную корреляцию. Как сообщает Диоген, Демокрит во введении к «Малому диакосмосу» указал, что написал свою книгу через 730 лет после падения Трои (DK68 A 1 = D.L. IX, 41.3-5). Если попытаться оценить смысл этой датировки, в результате можно предположить, что тем самым он причислил себя либо к 21, либо к 22 поколению живущих *после* этого события¹⁸. Поскольку диалог Платона «Теэтет» изображает беседу Сократа в 399 г., т.е. без малого двадцатью пятью годами позже книги Демокрита, то соответствующая коррекция позволила бы говорить о списке примерно из 22 предков. (Поскольку Демокрит был в добром здравии к 400 г. до н.э., он оставался представителем все того же 21 либо 22 поколения после Трои.)

Однако названная в «Теэтете» родословная включала Геракла, который не был участником Троянской войны. И сын его Гилл, и внук Клеодай, и правнук Аристомах не были участниками Троянской войны (все они, разумеется, перечислены и в родословной царя Леонида, бывшего также из рода Геракла). Правда, героем Троянской войны

¹⁷ Подробнее см.: *Fordyce M.* Herodotos' Use of Genealogical Chronology // *Phoenix*. 1956. Vol. 10. P. 48–69.

¹⁸ *Солопова М.А.* Демокрит и дата падения Трои. С. 28.

был зять Клеодая Неоптолем – то есть это поколение Аристомаха. Если составить родословную нашего Гераклида из «Теэтета» по предку, жившему в конце Троянской войны, то придется ограничиться числом 22, т.е. не посчитать как минимум Геракла, Гилла и Клеодая. Если в список «анонима из “Теэтета”» включено имя самого заказчика генеалогии (как это мы это видим на примере генеалогии спартанца Леонида у Геродота), то в нем не более 22 имен, если же нет, то *перед* ним – 21 предок. Гипотетическая роспись для Демокрита (а это просто усредненный подсчет поколений за сто лет) дает то же самое число. Возможная разница будет обусловлена лишь возрастом последнего члена рода. Родословная Леонида, скорректированная по дате Троянской войны, также дала бы для него не 21 имя, как у Геродота, а всего 17. Но если добавить к 17 возможных потомков самого Леонида, то к рубежу V–IV вв. получилась бы уже цифра 20.

Можно сказать, что в трех указанных случаях мы видим одинаковый порядок чисел. Единственно, надо отметить, что было бы некорректно в заключение сказать, что предполагаемый список Демокрита, будь он продолжен до самого Геракла, оказался бы именно списком из 25 предков. Дело в том, что как иониец, а не дориец или ахеец, Демокрит едва ли возводил свой род к Гераклу. Знатные ионийские роды считали себя Нелеидами, потомками царя Пилоса Нелея, сыном которого был участник Троянской войны Нестор.

К вопросу об анахронизмах в сочинениях Платона

Но относительно какой даты должны быть посчитаны и прочитаны эти 25 поколений? Исходя из драматической даты или исходя из даты написания диалога?

Как известно, Платон в своих сократических диалогах воссоздавал события прошлого – историческую реальность Афин второй половины V в. до н.э., и в его диалогах упоминаются люди и события современные Сократу. Согласно упоминаемым реалиям по возможности определяется драматическая (сценическая) дата – время *действия* диалога, а не время *создания* его Платоном. Диалог «Теэтет» был написан, как считается, ок. 369 г. – поскольку в нем упомянуто тяжелое ранение Теэтета во время Коринфской войны. Драматическая же дата – начало 399 г. до н.э. – определяется согласно заключительной реплике Сократа: «Теперь же я должен идти в царский портик по тому обвинению, что написал на меня Мелет» (Theaet. 210d). На рубеже

V–IV вв. родовой список потомка Геракла, состоящий из двадцати пяти предков, без всякой иронии может быть предметом гордости для его обладателя. Как было показано выше, этот же самый список, но исправленный в соответствии с поколениями, жившими не ранее даты падения Трои, состоял бы не более, чем из 22 имен, притом включая самого потомка как последнего члена рода. И эти цифры схожи с теми, которые получаются при попытке понять другие сообщения, связанные с хронологическими указаниями.

На основании изложенных выше подсчетов и сопоставлений можно утверждать, что список «в двадцать пять предков» к 370 г. до н.э., т.е. ко времени написания диалога Платоном, едва ли вызвал удивление числом записанных поколений. В любом случае, его обладатель все равно им гордился, ведь двадцать пять предков это немало, но с учетом оговорок и поправок, все же следовало бы удивиться списку, состоящему из несколько большего числа предков, чем 25.

Мы приходим к выводу, что даже если какой-либо ученый софист мог за щедрое вознаграждение составить (сфальсифицировать) любой родословный список, – допустим, что это и подразумевает Платон, когда вкладывает в уста Сократа замечание об удивительном списке в двадцать пять предков, чтобы следом немедленно доказать его нелепость с точки зрения учения о бессмертии души, – но фактически он у Платона составляет для своего заказчика именно такой список, который согласуется с представлениями своего времени. И пусть невозможно было в точности установить, какие предки были в роду той или иной исторической личности, имевшие хождение генеалогии были между собой согласованы в едином диапазоне. И это можно уже расценить как часть культурного самосознания греков, их представление о своем прошлом. И Платон довольно чутко воспроизвел новое историческое измерение, оформившееся в середине V в. до н.э.

Между тем Платона еще со времен античности нередко упрекали в том, что он не соблюдает историческое правдоподобие, что его сочинения полны анахронизмов. Показательным является фрагмент из «Пира мудрецов» Афиней (кон. II –нач. III в. н.э.), в котором воспроизводится антиплатоновская критика Геродика Вавилонского («Геродика Кратетовца»), грамматика II в. н.э., из его сочинения «Против поклонника Сократа»¹⁹. В нем Геродик, помимо прочего, оспаривает изображение Платоном роли Сократа в трех сражениях (при Потидее, Дели и Амфиполисе) – ссылаясь на то, что платоновский рассказ о

¹⁹ *Athen.* V, 215F–220A, см.: *Афиней*. Пир мудрецов. Книги I–VIII. М., 2003. С. 274–278.

мужестве Сократа не находит подтверждения в других источниках, и главным образом, в «Истории» Фукидида. Но более интересен аргумент, связанный с диалогом «Пир», согласно которому вопиющим анахронизмом является то, что в год, когда трагик Агафон одержал победу и устроил пир, Платону было 14 лет. Безусловно, это замечание касается разницы между драматической датой действия диалога и датой написания его текста. Спорит Геродик также и с тем, что Платон достоверно изобразил появление в Афинах софиста Гиппия как собеседника Протагора в диалоге «Протагор»²⁰. Конечно, уровень аргументации Геродика неоднороден, иногда, как в случае с «Пиром», речь идет просто о непонимании композиции диалогов Платона как художественных произведений. Но и современные авторы иной раз не могут удержаться от того, чтобы не упрекнуть Платона в небрежности, особенно пытаясь заняться точными хронологическими вычислениями на основании его текстов. Как правило, наиболее плодотворным выходом из этих затруднений является признание того, что целью Платона не была хронологическая точность²¹, а нам о реалиях того времени известно все же меньше того, что знал Платон.

Однако больше сторонников все же у другого мнения. По мнению ряда исследователей, «диалоги показывают, как много усилий Платон предпринимал, чтобы обеспечить точность своей реконструкции. Обсуждаемые в них проблемы – это проблемы, соответствующие драматической дате, а не дате композиции. Когда вводится материал из естествознания, это уже не наука времени Платона, а физика прошедшей эпохи Сократа... Содержательные аллюзии в диалогах – ссылки на современные или исторические события – замечательно свободны от анахронизмов»²². Исследователь подчеркивает, что анализ претензий к Платону по части анахронизмов чаще всего показывает, что его критики не до конца поняли смысл платоновского текста²³.

²⁰ Подробнее см.: *Trapp M. Plato in the Deipnosophistae // Athenaeus and His World: Reading Greek Culture in the Roman Empire. Exeter, 2000. P. 358–361; During I. Herodicus the Crateteian: A Study in Anti-Platonic Tradition. Stockholm, 1941.*

²¹ *Davies J.K. Athenian Propertied Families. 600–300 B.C. P. 325.*

²² *Miller J.W. The Development of the Philosophy of Socrates // Review of Metaphysics. 1963. Vol. 6, No. 4. P. 552.*

²³ *Miller J.W. The Development of the Philosophy of Socrates. P. 553; автор приводит мнение Виламовица-Меллендорфа, заключившего, что у Платона нет никаких анахронизмов. Правда, сам Миллер считает, что «величайший по своей нелепости анахронизм» как раз то, что Сократ в тщательно воссозданном V в. до н.э. излагает позднейшее учение самого Платона. Соглашаясь, что в текстах Платона анахронизмов нет, он считает вполне обоснованной свою решимость*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апулей.* Платон и его учение / Пер. Ю.А. Шичалина // Учебники Платоновской философии / Сост. Ю.А. Шичалин. М.; Томск: Водолей, 1995. С. 39–66.
- Афиней.* Пир мудрецов. Кн. I–VIII / Пер. Н.Т. Голикевича. М.: Наука, 2003.
- Верлинский А.Л.* Гиппий // Античная философия: Энциклопедический словарь. М.: Прогресс, 2008. С. 273–275.
- Геродот.* История: в девяти книгах / Пер. А.Г. Стратановского. М.: Ладомир, 1993.
- Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. М.Л. Гаспарова. 2-е изд. М.: Мысль, 1986.
- Ленская В.С.* Афинский род Кодридов // Вестник древней истории. 2003. № 3. С. 123–131.
- Платон.* Гиппий Большой / Пер. А.В. Болдырева // Платон. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 386–417.
- Платон.* Лисид / Пер. С.Я. Шейнман-Топштейн // Платон. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 314–340.
- Платон.* Теэтет / Пер. Т.В. Васильевой // Платон. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1994. С. 192–274.
- Солопова М.А.* Демокрит и дата падения Трои // История философии. 2018. Т. 23. №2. С. 18–31.
- Фрагменты ранних греческих философов, 1989 – Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / Изд. подгот. А.В. Лебедев. М.: Наука, 1989. 576 с.
- Bostock D.* Plato's Theaetetus. Oxford: Clarendon Press, 1988.
- Cornford F.M.* Plato's theory of knowledge: the *Theaetetus* and the *Sophist* of Plato, translated with a running commentary. London, New York, 1935.
- Davies J.K.* Athenian Propertied Families. 600–300 B.C. Oxford: Clarendon Press, 1971. 655 p.
- Die Fragmente der Vorsokratiker / Griechisch und Deutsch von H. Diels (1903), 6. Aufl. herausg. von W. Kranz. Bd. I–III. Berlin, 1951–1952.
- Diogeni Laertii.* Vitae philosophorum / Ed. by M. Marcovich. Vol. I. Libri I–X. Studgardiae; Lipsiae, 1999.
- During I.* Herodicus the Crateteian: A Study in Anti-Platonic Tradition. Stockholm, 1941.
- Fordyce M.* Herodotos' Use of Genealogical Chronology // Phoenix. 1956. Vol. 10. P. 48–69.
- Forsdyke J.* Greece before Homer. Ancient chronology and mythology. New York: Norton, 1957. 176 p.
- Miller J.W.* The Development of the Philosophy of Socrates // The Review of Metaphysics, 1953, Vol. 6, No. 4. P. 551–561.
- Panchenko D.* Democritus' Trojan Era and the Foundations of Early Greek Chronology // Hyperboreus. 2000. Vol. 6. Fasc. 1. P. 31–78.
- Plato.* Gippias Major // Plato. Platonis opera. Vol. 3 / Ed. by J. Burnet. Oxford: Clarendon Press, 1903.

буквально видеть в словах персонажа платоновских диалогов учение исторического Сократа.

Plato. Theaetetus // Plato. *Platonis opera*. Vol. 1 / Ed. by J. Burnet. Oxford: Clarendon Press, 1900.

Trapp M. *Plato in the Deipnosophistae* // Athenaeus and His World: Reading Greek Culture in the Roman Empire / Ed. by D. Braund and J. Wilkins. Exeter: Univ. of Exeter Press, 2000. P. 353–363.

Thucydides. Historiae / Ed. H.S. Jones and J.E. Powell, 2 vols. Oxford: Clarendon Press, 1942.

MARIA SOLOPOVA

PhD in Philosophy, Senior Research Fellow at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1 Gonchamnaya Str., Moscow, 109240, Russia.

E-mail: msolopova@yandex.ru

Plato on a catalogue of twenty-five progenitors in the context of Ancient chronology

Summary. The article discusses a passage from the “Theaetetus” (175a5-6), in which Plato mentions a genealogy catalogue of twenty-five progenitors in connection with a discussion about a true philosopher who is not interested in the fashionable hobbies of modernity, values and preferences of ordinary people. Paying attention to the question of the relationship between the date of composition of the dialogue (the expected date of writing it by Plato) and its dramatic date (the date of the conversation of Socrates), the author of the article raises the question whether the indicated number of twenty-five progenitors can be compared with other generational calculations known in Antiquity. The question is, what date, dramatic date or date of composition is the indicated number more relevant. The article concludes that this fragment from the “Theaetetus”, – according to the author’s opinion, confirming the dramatic date of the dialogue – provides additional material for the question of anachronisms in Plato’s dialogues.

Keywords: Plato, “Theaetetus”, true philosopher, catalogue of progenitors, Hipias, genealogies, Ancient chronology, dramatic date of a dialogue.

References

Afinei. *Pir mudretsov* [Athenaeus. *Deipnosophistae*], books I–VIII, trans. by N.T. Golinkevich. Moscow: Nauka Publ., 2003 (In Russian)

Apulei. “Platon i ego uchenie” [Apuleius. On the Doctrines of Plato / De Dogmate Platonis], trans. by Yu. Shichalin, in: *Uchebniki Platonovskoi filosofii* [Textbooks of Plato’s philosophy], ed. by Yu. Shichalin. Moscow; Tomsk: Vodolei Publ., 1995, pp. 39–66. (In Russian)

Bostock, D. *Plato’s Theaetetus*. Oxford: Clarendon Press, 1988.

Cornford, F.M. *Plato’s theory of knowledge: the Theaetetus and the Sophist of Plato*, translated with a running commentary. London, New York, 1935.

Davies, J.K. *Athenian Propertied Families. 600–300 B.C.* Oxford: Clarendon Press, 1971. 655 p.

Die Fragmente der Vorsokratiker. Griechisch und Deutsch von H. Diels (1903), sechsten Aufl. herausg. von W. Kranz, Bd. I–III. Berlin, 1951–1952.

Diogen Laertskii. *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitukh filosofov* [Diogenes Laertius. *Lives of Eminent Philosophers*], trans. by M.L. Gasparov. Moscow: Mysl' Publ., 1986. (In Russian)

Diogeni Laertii. *Vitae philosophorum*, ed. by M. Marcovich. Vol. I. Libri I–X. Studgardiae; Lipsiae, 1999. (In Russian)

During, I. *Herodicus the Cratetean: A Study in Anti-Platonic Tradition*. Stockholm, 1941.

Fordyce, M. “Herodotos’ Use of Genealogical Chronology”, *Phoenix*, 1956, vol. 10, pp. 48–69.

Forsdyke, J. *Greece before Homer. Ancient chronology and mythology*. New York: Norton, 1957. 176 p.

Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov [Fragments of Early Greek Philosophers], ed. by A.V. Lebedev. Moscow: Nauka Publ., 1989. 576 p. (In Russian)

Gerodot. *Istoriya: v devyati knigakh* [History: in 9 books], trans. by A.G. Stratanovskii. Moscow: Lodomir Publ., 1993. (In Russian)

Lenskaya, V.S. “Afinskii rod Kodridov” [Family of Athens, claimed descent from Codrus], *Vestnik drevnei istorii*, 2003, No. 3, pp. 123–131. (In Russian)

Miller, J.W. “The Development of the Philosophy of Socrates”, *The Review of Metaphysics*, 1953, Vol. 6, No. 4, pp. 551–561.

Panchenko, D. “Democritus’ Trojan Era and the Foundations of Early Greek Chronology”, *Hyperboreus*, 2000, vol. 6, fasc. 1, pp. 31–78.

Plato. *Theaetetus*, in: *Platonis opera*. Vol. 1, ed. by J. Burnet. Oxford: Clarendon Press, 1900.

Plato. *Gippii Bolshii* [Hippias Major], trans. by A.V. Boldurev, in: *Platon. Sobraniye sochinenii* [Collected Works], 4 Vols. Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., 1990, pp. 386–417. (In Russian)

Plato. *Lisid* [Lysis], trans. by S.Ya. Sheinman-Topshtein, in: *Platon. Sobraniye sochinenii* [Collected Works], 4 Vols. Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., 1990, pp. 314–340. (In Russian)

Plato. *Teetet* [Theaetetus], trans. by T.V. Vasil'eva, in: *Platon. Sobraniye sochinenii* [Collected Works], 4 Vols. Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ., 1994, pp. 192–274. (In Russian)

Solopova, M.A. “Democrit i data padeniya Troi” [Chronology of Democritus and the Fall of Troy], *Istoriya filosofii*, 2018, vol. 23, no. 2, pp. 18–31 (In Russian)

Verlinskii, A.L. “Gippii” [Hippias], in: *Antichnaya filosofiya: Entsiklopedicheskii slovar*. Moscow: Progress Tradition Publ., 2008, pp. 273–275. (In Russian)

Trapp M. “Plato in the *Deipnosophistae*”, in: *Athenaeus and His World: Reading Greek Culture in the Roman Empire*, ed. by D. Braund and J. Wilkins. Exeter: Univ. of Exeter Press, 2000, pp. 353–363.

Thucydides. *Historiae*, ed. by H.S. Jones and J.E. Powell, 2 vols. Oxford: Clarendon Press, 1942.